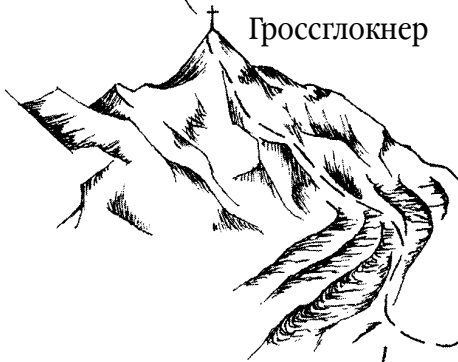
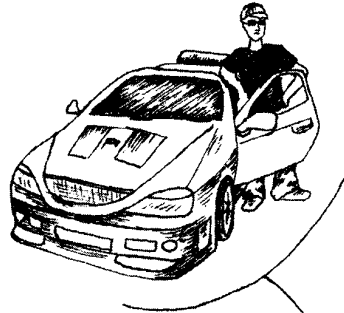

ЗАЛЬЦБУРГ-ГРОССГЛОКНЕР

Зизи

Гроссглокнер

Заальфельден

Цель-ам-Зее

Моцарт

Гнездо Коршуна

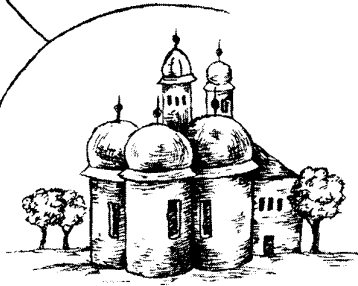
Зальцбург

Вацманн

Каменное море

Берхтесгаден

Кёнигсзее

Церковь Св. Варфоломея

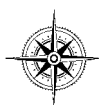
ВСПЫШКА И ПРОБУЖДЕНИЕ

ИЗ ЗАЛЬЦБУРГА В ГРОССГЛОКНЕР

Этапы 1–10

22 мая–5 июня 2007 года

Господин В. стоял возле окна своего рабочего кабинета в бизнес-центре в переулке Фрессгассе, что во Франкфурте, и наблюдал за прохожими, сновавшими туда-сюда по пешеходной зоне под окнами здания. Накрапывал мелкий дождь, люди спешили. Господину В., управляющему директору и главе департамента слияний и поглощений одного из ключевых мировых игроков на инвестиционном финансовом рынке, приходилось прикладывать усилия к тому, чтобы сосредоточиться на работе. Потому что в голове его появилось смутное беспокойство. Сначала это были какие-то мимолетные мысли, возникшие из ниоткуда несколько недель тому назад и вскоре исчезнувшие. Затем они вернулись вновь, сперва боязливые и нерешительные, но со временем ставшие все более настойчивыми и частыми «гостями». Мысли эти требовали тщательного продумывания и уточнения. Они непрестанно пытались занять ведущее место во внутреннем диалоге В. Так мысли переросли в идею, а идея — в замысел, в приставучего попутчика. Словно некий вирус, который методично поражает каждую клеточку сознания. В. взял свой зонтик, вышел из кабинета и отправился в книжный магазин. Он купил карту местности, первую в цепочке многих последующих. Карту Зальцбургской земли. Инкубационный период прошел. Вирус вспыхнул.

Шины скрипят по песку, когда такси подъезжает к парковке перед Зальцбургскими воротами. Автомобиль останавливается в тени кроны старого каштанового дерева. Я расплачиваюсь и выхожу. Первые впечатления моей новой жизни — словно элементарные чувственные переживания, словно первые вдохи новорожденного: осторожные, проверяющие шаги, перекачивание под стопами мягких резиновых подошв моих новых, с иголки, туристских ботинок, оживленные «беседы» камешков под ногами, долетающие до моих ушей. Носом втягиваю запах свежей зелени лиственного леса. Здесь, в навевающей мечтательное настроение Зальцбургской земле, сейчас весна, почти уже лето. Впечатления оставляют в моей памяти такой же след, как и отпечатки подошв ботинок на свежей земле. Я делаю

вдох, втягивая внутрь восторг от того, что мне предстоит испытать в ближайшие полгода: беззаботность и свобода, масса времени. Предвкушение опасностей и приключений. Занятое ощущение в районе живота. Поворачиваюсь и еще раз оглядываюсь назад. Такси и след простыл.

Вот такие ощущения. Начало длинного пути к самому себе. С отъездом такси исчезла последняя видимая нить, связывавшая меня с прежним миром. Должно быть, сработал давний рефлекс, раз я сел сегодня в такси, чтобы добраться сюда. Или, возможно, я поступил так, чтобы сделать шаг в неизвестность еще более резким и внезапным, тем самым отрезав пути к отступлению? Раньше, выйдя из такси, я бы немедленно поспешил туда, где заседает правление крупного акционерного концерна, — нервный, невыспавшийся и взвинченный, с презентациями под мышкой. Чтобы провести чрезвычайно важную встречу с чрезвычайно важным советом директоров. Или подъехал бы в такси к пятизвездочному отелю и строго-настроено велел администраторше проследить, чтобы все приходящие на мое имя факсы незамедлительно приносили ко мне в номер. Может быть, с полминуты я бы заученно пофлиртовал с ней, пока носильщик разбирается с моим багажом. Но все прошло, все позади. Старая жизнь лаконично закончилась в тот миг, когда я захлопнул снаружи дверцу такси.

К счастью, та жизнь давалась мне не так и тяжело; все было знакомо и привычно, все шло гладко. И я не очень-то понимал, чем еще мог бы заняться. Но вдруг я здесь, на опушке леса, который готов принять меня в свою прохладу. Все мои вещи на ближайšie несколько месяцев находятся в рюкзаке за спиной. Вокруг меня только природа. И покой. Я слышу биение своего сердца.

Старательно поправляю лямки рюкзака, стараясь приспособиться к непривычному ощущению ноши на плечах. Я по обыкновению распланировал и свою новую жизнь в мельчайших подробностях, но сделал это исключительно за письменным столом. И вот план начал претворяться в жизнь! С каждым мгновением я чувствую это все отчетливее. Поражен до глубины души и в то же время испытываю хрупкое чувство, что я не просто уехал. Нет, я приехал. Наконец-то.

Мой первый урок: жизнь на открытом воздухе разворачивается не в голове, а прямо у меня перед носом. Чье-то покашливание выводит меня из задумчивости.

— Ну, сервус¹, Руди! Итак, в горы, значит!

Я поворачиваюсь. Поблескивая в предвкушении предстоящего мероприятия, на меня смотрят глаза дяди Симона. Он уже ждал меня в какой-то паре шагов позади парковки. Позавчера я навестил его в деревенском доме неподалеку от Зальцбурга и рассказал ему о своем проекте.

---

¹ *Servus* (нем.) — универсальное приветствие, употребляемое австрийцами и южными немцами. — *Примеч. пер.*

Приют Цеппецауэр-Хаус у подножия горы Унтерсберг (Зальцбург), созданный в 1914 году союзом альпинистов. © *Роланд Кальс*

— Ну и Руди, собрался-таки дойти до Ниццы! Вот пес паршивый!

— Симон, а что ж ты не хочешь пойти со мной? Пройдем вместе хотя бы первые этапы?

Да, это спонтанное приглашение я сделал не без задней мысли. Но разве не понятно стремление человека быть рядом с кем-то близким и родным во время путешествия в неизведанное? С кем-то, кто подбодрит меня, если в последний момент я вдруг передумаю или мне откажут силы. И... с кем-то, кто наверняка не будет взбираться в гору слишком быстро. Дядя Симон идеально подходит на роль акушера для моей души. Вполне симпатичный архетип исконного баварца: крепкого, живущего в гармонии с природой и все такое.

— Хорошая идея, я с тобой!

Это было вчера. Никогда я не был рад видеть его рядом с собой так, как в этот самый момент!

Наш совместный тур — разумеется, в мельчайших подробностях заранее мной распланированный, — ведет нас в предгорья Альп. На покрытые лесом, в своей округлой массивности кажущиеся мне безопасными и дружелюбными горные края серых известняковых пород. Идеальные камни преткновения для будущего покорителя высот! В число этих гор-

ных цепей входит и Высокий Трон¹. Смутное предчувствие наполненных воздухом высот, которые еще поставят передо мной совсем другие задачи, охватывает меня. Прочь от этих мыслей — пора начать разносить мои новые ботинки и расслабленно наслаждаться пребыванием здесь и сейчас. У северного подножия пролегает тропа Допплерштайтг, ведущая наверх, к Цеппецауэр-Хаусу.

Я чувствую себя великолепно и отщелкиваю первые кадры для своего блога².

Держать друзей и коллег в курсе моих успехов — это круто. Хм... может быть, мне и не стоит сию же секунду писать в Интернете о том, что свое большое приключение я начинаю в такси и в сопровождении любимого дядюшки.

Теперь господин В. регулярно наведывался в книжный магазин. Раз в неделю уж точно. Чтобы эффективно обрабатывать новую информацию, он придумал для себя ритуал-привычку (впрочем, это и так было одним из его сильных мест): сначала он изучал ту карту, которую заказал на предыдущей неделе и которую ему уже доставили. Он прокладывал маршрут и определял, каким будет его следующий шаг. Затем заказывал соответствующую новую карту. В течение следующих дней и недель он просчитывал время в пути, высоту подъема и продолжительность этапов, выбирал места остановок и сопоставлял важные логистические сведения. При этом господин В. опирался на те навыки, которые приобрел благодаря своему успешному профессиональному опыту: тщательный поиск, выделение значимых источников, компоновка и структурирование фактов, создание четких логических структур. Используя табличную программу Excel, он создавал точные документы. В. был одержим вопросами проработки маршрута и проведения «идеальной линии» от подножия первой горы до самого Средиземного моря. Каждое посещение книжного магазина вызывало у него своеобразный приступ лихорадки, подстрекавший к тому, чтобы разработать план еще на пару километров. Словно пробивая тоннель, он бурлил штольно все глубже и глубже, приближаясь к незнакомым точкам, надеясь однажды в искомом месте выйти на солнечный свет. Так в течение нескольких месяцев у него сформировался точный план, черновик пешего перехода через Альпы. С востока на запад, из Зальцбурга в Ниццу.

Альпы — манящий край, устремленный в небо. Изображение высочайшей горной системы Европы в атласе напоминает ориентированную на север дугу, которая идет от Адриатики к Генуэзскому заливу, от региона Триеста до Прованса. Альпы возникли свыше ста миллионов лет назад в результате необратимого жизненного процесса, словно морщины на лице Земли. Они лежат там, будто окаменевший скелет гигантского динозавра. Их главный хребет образует позвоночный столб, исполинские горные вершины — позвонки, а выдающиеся горные кряжи — ребра. Так и сформировался план В.: он хотел взобраться на этот позвоночник Европы и пройти по нему до того самого места, где массив суши погружается в море. Так сказать, до самого копчика континента.

¹ *Высокий Трон* (нем. *Hochthron*) — самый высокий пик альпийского горного массива Унтерсберг. — *Примеч. авт.*

² *Блог* — дневник в Интернете. — *Примеч. ред.*

Мы начинаем подъем в высокоствольном лесу. Здесь душно; гроза надвигается на нас, но проходит мимо. Лишь несколько крупных капель долетают до земли и образуют на песке крохотные кратеры. Мы проходим лесную границу. А вот и Допплерштайг, двойной подъем. Он вьется через узкие, пробитые в каменном массиве ступени — вверх, к нависающим уступам скалистых ребер. Здорово, что на всем протяжении пути есть стальные страховочные тросы. Вскоре мы оказываемся на залитой светом сосновой поляне. Как приятно после нелегкого подъема по скале, становящейся отвеснее с каждым шагом, расслабленно пройти последний отрезок пути до намеченной цели по мягкому лесному грунту. Подойдя к хижине, мы садимся на роскошном лугу, нагретом теплым майским солнцем. Предгорья Альп от озера Химзе до самой Зальцбургской земли простираются перед нами, будто огромный зеленый веер. На ум сами собой приходят названия озер, рек, гор, местечек и улиц. Оживленные и разговорчивые, мы собираем эту ландшафтную головоломку, потягивая холодное светлое пиво и жуя ароматную ветчину, которую дядюшка сам закоптил. Так продолжается, пока вечернее солнце не приобретает красноватый оттенок и не заходит за горизонт туманного Химзе.

Как, однако, здесь быстро холодает! Пришло время устраиваться на ночлег. Разумеется, это не первая моя ночь в горах: в детстве с отцом я довольно часто ходил в горы, причем забирались мы довольно высоко. Но теперь все совершенно по-другому! Я кажусь себе ребенком, получившим в подарок игрушку, с которой он пока не умеет толком играть. Небольшая комнатка со встроенными спальными нишами, клетчатými пододеяльниками и малюсеньким окном кажется кукольной, такое все аккуратное и миниатюрное. Воздух наполнен прохладой горного леса. Перед внутренним взором оживают воспоминания о незамысловатой и веселой поре моего детства. И все же эта идиллия кажется совершенно неправдоподобной.

Мое стремление к внутреннему миру и безопасности просто не могло найти более подходящей точки для своего воплощения. Да, это местечко являет собой полярную противоположность номеру дизайнерского отеля с набитым эксклюзивными напитками мини-баром, круглосуточным обслуживанием номеров, беспроводным доступом в Интернет, плазменной панелью и мраморной ванной. Открываю воображаемый бортовой журнал и приписываю жирный плюс первому дню своей новой жизни!

Уют комнатки дарит нам приятное тепло. Ее стены обшиты темным деревом, старые, гладко отполированные доски поскрипывают, из кухни доносится аромат ужина. Черный пастуший пес, неуклюже ступая, заходит в комнату и лениво укладывается возле очага. Моника, хозяйка хижины, присаживается за наш стол.

— Ну-ка, поешьте хорошенько, чтобы завтра у вас достало сил! Куда идете-то, вы двое?

Сам не замечаю, как у меня вырывается ответ:

— Ну, Симон-то возвращается домой, а я пройдуся еще немного... до Ниццы.

Упс! Все, сказанного не воротишь. На протяжении нескольких секунд я ощущаю какой-то комок в горле. Но слово, как известно, не воробей, так что отступать некуда. Так-так, а мои планы, похоже, не оставили хозяйку равнодушной:

— Да что ты! До Ниццы! Бред какой! Как тебе только такое в голову пришло? Ну, не забудь прислать мне открытку с побережья!

Стратег по связям с общественностью во мне тут же делает пометку: одно-единственное предложение, а сколько дверей оно открыло передо мной! Моя собеседница вдруг сделалась отменно разговорчивой. Мы слушаем ее историю: долгое время она работала на других во всех мыслимых отраслях гастрономии, но всегда хотела открыть свое дело. И сегодня — ее первый день в качестве хозяйки хижины! Моника очень веселая и приветливая; все, что она говорит и делает, исполнено потрясающей сердечной теплоты. Она желает нам приятного вечера и подсаживается к следующему столу, за которым ужинают два молодых геолога. Здесь неподалеку находится ледниковая пещера, которую они собираются исследовать и картировать в ближайшие дни. В их речи то и дело звучат такие слова, как доломит, сталактит, сталагмит и сталагнат. Альпы — предмет обожения и поклонения самого разного рода. Получится ли у меня отнестись к Альпам с подобной самоотдачей? Смогу ли я отпустить от себя прошлое?

Светлое пиво, прессованный сыр, квашеная капуста — все такое вкусное, что просто тает во рту. Мы с дядей Симоном погрузились в воспоминания. Я знаю дядю всю жизнь, и наши прежние отношения можно смело назвать дружественными, пусть и не лишеными схематично-ритуального оттенка. Сегодня все иначе. Дядюшка буквально расцвел. Я вижу, как воодушевленно сияют его глаза. Я чувствовал днем, с какой энергией он совершал восхождение. И вот сейчас мы сидим здесь и не можем наговориться, почти как два сообщника, которые с удовольствием вспоминают переделки былых лет.

Хороший первый день заканчивается в постели с пахнущими свежестью, приятными телу простынями. Я непоколебимо убежден, что мое решение было единственно правильным. И я засыпаю в нашей маленькой комнатке с чувством того, что в моих руках — ключ от удивительного королевства. Его нужно лишь повернуть в замке.

День, когда господин В. дополнил головоломку своего плана последним элементом, этапом вниз, к Ницце, к морю, ничем не отличался от других, однако В. запомнилось едва ли не каждое его мгновение. Одна из ассистенток группы вошла в кабинет В. с его «Блэкберри»¹ в руках, сияя от радости. Классический случай: В. опять где-то забыл свой

---

¹ Дорогостоящий смартфон. Основная функция — моментальное корпоративное общение. — *Примеч. ред.*

аппарат, а ассистентке — разумеется, ценой многочасовых телефонных переговоров с администрацией аэропорта, управляющими отелями и службами такси, — удалось-таки вернуть дорогостоящую штучку ее законному владельцу. В. настолько глубоко погрузился в планирование последних километров пути навстречу побережью, что, не сразу заметив ее, минутой позже выдал из себя лишь автоматическое «спасибо».

Когда разочарованная ассистентка вышла из кабинета, В. закрыл папку и спрятал ее в стопку документов. Своему проекту он присвоил кодовое название «Ганнибал». Именно таким был стиль работы В., проверенный годами и отшлифованный практикой; стоит ли удивляться, что этот стиль наложил отпечаток и на процесс планирования путешествия через Альпы. В. испытывал очевидное удовлетворение от того, что подходил к своему проекту как к интеллектуальному упражнению. Он гордился тем, что разработал индивидуальный маршрут пересечения высочайшей горной системы континента, а не просто решил последовать какому-то плану, разработанному другими и не оставляющему места для творческого самовыражения. Его собственный путь, его собственное творение.

В. казалось, что реализация замысла — дело чуть ли не второстепенной важности, дело отдаленного будущего. Однако в жизни все получилось иначе. В душе В. зародилась разрушительная взрывоопасная сила, которая подорвала его интерес к работе. Упала первая костяшка домино. Его будто подменили. Не прошло и нескольких недель, а карьерная жизнь В. осталась позади. Он уволился по собственному желанию, без малейшего повода, к несказанному удивлению всех, кто его знал. Сорок лет жизни В. канули в прошлое: он расстался с ними, как с календарем уходящего года в его последний день. В. стал свободен.

После основательного завтрака мы выходим навстречу прохладе утреннего тумана. Наша цель — Гнездо Коршуна, Гайерэк, первая «вершина» моего большого приключения. Наш путь пролегает через поле, поросшее горными соснами, жмущимися к скудной известковой породе, и длится ровно полчаса. А гора и впрямь заслужила свое название: в небе над нами действительно кружит парочка коршунов. Интересно, не позволило ли им их утонченное чутье предположить, что из нас может получиться неплохой обед или ужин? Как бы то ни было, мы решили остановиться на безопасном расстоянии.

— Бергхайль¹, Симон!

— Эх, Руди, мне бы твои годы, я бы дошел с тобой до самой Ниццы! Мы обнимаемся, я делаю еще один снимок горной вершины.

Неподалеку находится горная станция канатной дороги. По ней-то дядя Симон и вернется в долину. На плато, где кроме нас нет ни одного человека, мы прощаемся и расходимся в разных направлениях.

— Руди, путешествовать с тобой — одно удовольствие! Береги себя! Твоя мама могла бы тобой гордиться! Ну, храни тебя Бог!

Симон смахивает слезинку, разворачивается и медленно идет в сторону канатной дороги. У меня на душе тоже скребут кошки. Постепенно дядин

¹ *Бергхайль* (нем. *Bergheil*) — приветственное слово, которым традиционно обмениваются альпинисты. — *Примеч. авт.*

силуэт растворяется в туманной дымке. Стоп, отставить сантименты! Теперь мой путь лежит в сторону Берхтесгадена, высокогорной тропой через Зальцбургский, а потом и Берхтесгаденский Высокий Трон.

Неужели это все-таки случилось? Я на самом деле один, впервые совсем один в глухой местности. Ну, хорошо, по крайней мере, на природе вдаль от города. Внезапно я отчетливо ощущаю гнетущую тишину вокруг себя. Ни на что не похожая монотонность тумана. Теперь пути назад нет. В голову лезут мысли такого свойства: черт побери, а что я тут делаю-то? О чем я вообще думал? Впереди несколько месяцев пути, и как я только выдержу это беспросветное одиночество? А расстояние-то пройдено еще совсем детское! Что же делать на протяжении двух тысяч километров пути? Бред! Чтобы не вымотать нервы окончательно, я сосредоточиваю внимание на каждом шаге и пытаюсь отогнать от себя эти неутешительные мысли.

— Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается! — пытаюсь я подбодрить себя.

Мрачный туман цепко повис на насыщенно зеленых кронах горных сосен. Тонкая водяная пленка покрывает весь горный массив, эти черно-серые известняковые скалы, которые внезапно начинают казаться мне неприступными и злобными, хотя их с натяжкой можно назвать лишь младшими сестричками тех высоченных вершин, которые я планирую навестить в предстоящие недели и месяцы. Дорога скользкая, каждый шаг приходится делать осторожно. Начинает накрапывать мелкий дождик, туман, сгущаясь, превращается в море невесомой, склизкой ваты, поглощающей все звуки. Безмолвно приветствуя меня, то тут, то там из тумана вырисовываются ветки и скалы. Я кажусь себе воздушным кораблем, который скользит через прозрачную кулису затерянной планеты, причем капитан этого корабля не знает, каков пункт назначения. Ни единой живой души вокруг. Лишь разок мне удастся увидеть парочку серн, однако они так и продолжают неподвижно и апатично стоять на снегу.

Рюкзак все сильнее пригибает мои нетренированные плечи к земле. Чтобы снизить давление, я через каждые пять минут меняю положение лямок рюкзака на груди, животе и плечах. Хоть какое-то занятие, как ни крути. Каждый шаг дается мне с трудом, с преодолением. Подленький червь сомнения, этот незванный гость, все сильнее вгрызается в мой мозг: ну с чего я вообще решил, что пеший переход через Альпы мне по плечу? Парнишка гордо построил свой замок на песке, но первая же волна смысла результатов его трудов подчистую. Да, вот так я себя чувствую. Удивительно ли, что за этими тревогами я отвлекаюсь от своего пути, поскользываюсь, больно ударяюсь лодыжкой об один из торчащих отовсюду скалистых обломков. Сустав саднит, противно до тошноты. Неужто на этом моя экспедиция подошла к концу? Да нет же, не может быть! Прихрамывая и ругаясь про себя, плетусь вперед. По-прежнему чувствую себя несчастным и одиноким.

Как побитый пес, доползаю до Зальцбургского Высокого Трона. Каких-то тысяча восемьсот пятьдесят два метра, альпийский малютка! Что же будет на четырехтысячниках, если я уже сейчас чувствую такой упадок сил?

— Привал, немедленно привал!

Ага, вот и Ганнибал вставил словцо. Хорошо, что я не совсем один. Подкрепиться было бы как нельзя кстати. Симон набил мой рюкзак шедеврами баварского кулинарного искусства: хрустящий хлеб собственной выпечки, ветчина из домашней коптильни, помидоры из собственной теплицы. Плоды его трудов дарят мне ментальный промежуточный антициклон, достаточный для того, чтобы подняться на Берхтесгаденский Высокий Трон в подходящем настроении. Перекус, часть вторая, на этот раз — яблочный пирог тетушки Бригитты. Хорошо, что переход в новую жизнь приятен хотя бы в кулинарном отношении.

Начинаю спускаться. При первом же шаге вниз — колющая боль в месте ушиба. Снова заморосил дождик. Прекрасно! Похоже, бог погоды не хочет упускать возможность с самого начала продемонстрировать мне, кто из нас двоих сильнее. Чтобы не упасть еще раз и поберечь и без того ноющие коленные суставы, семеню вниз мелкими шажками в темпе улитки. Еще один путник обгоняет меня. Мне показалось, или он и вправду ободряюще посмотрел на меня, как коллега на коллегу? Это выражение лица мне слишком хорошо знакомо: к симпатии примешивается эдакая покровительственная заносчивость — я ловкий, ты растяпа. Именно так я совсем недавно смотрел на своих младших аналитиков, когда они вручали мне результаты своей работы, которые мне немедля хотелось выкинуть в мусорное ведро. Но сейчас у меня нет ни времени, ни душевных сил на психоаналитические эзерсисы. Принимаю волевое решение проигнорировать эту не самую светлую мысль. Мне и без того есть чем заняться.

Я уже в долине, хотя от промежуточной цели меня отделяет не один километр. Бог погоды снова принимается за воплощение своей воспитательной программы, и в небе надо мной раздаются раскаты грома. Начинается проливной дождь. Мне приходится напрягать все силы, чтобы пройти остаток пути до Берхтесгадена. Мое упрямство побеждает. В конце концов, у меня же есть мои «проектные принципы»! Никаких автомобилей, никаких проторенных дорог, никаких фуникулеров: каждый метр пути я *должен* пройти пешком. К тому же, хоть я и урожденный баварец, прусская дисциплинированность тоже присутствует в моем характере, в моих генах. Под струями дождя, при скудной иллюминации вспыхивающих на небе молний, промокший до нитки и исчерпавший все свои силы, я приползаю в Берхтесгаден. Мой навык нахождения крова и хлеба, отточенный за долгие годы командировочных скитаний по делам международного делового сообщества, к счастью, никуда от меня не делся. Натренированный взор выхватывает из полутьмы подходящую гостиницу. Наконец-то долгожданный привал!

Ломит все тело, рюкзак намок и весит килограмма на два больше. Единственная тактическая мера, на которую я уповаю, — хороший ужин. Заказываю жареную свинину и светлое пиво. Что ни говори, а старая добрая бургерская кухня моей родины — дело хорошее: никаких тебе изысканных деликатесов, один только заряд энергии, непревзойденный антидепрессант и отрада для души. Надежды оправдываются. Бодрость духа возвращается ко мне.

Не успел я прожевать и проглотить еду, а неприятный ментальный грызун по имени сомнение вновь садится рядом со мной и вонзает свои острые зубки в мое благостное настроение. Получится ли у меня осуществить задуманное? Сможет ли банкир, отъевший брюшко и порядком исчерпавший свои силы, справиться с такой нелегкой задачей? Удастся ли мне быстренько восстановить силы, или же телесные недомогания доведут меня до ручки? Может статься, назавтра я обессилею подчистую! Не вернуться ли мне? Примерно так подленький гость моего внутреннего мира прогрызает все более обширную брешь в моем чувстве собственного достоинства. Вдруг во мне начинает звучать другой голос, который становится все громче, хотя усталость постепенно одолевает меня настолько, что я уже готов уснуть прямо здесь, в гостиной, промокший до нитки. Говорит мой друг Ганнибал:

— А ну-ка соберись! Слышать не могу, как ты хнычешь. Я-то думал, ты — отважный герой, смело отправившийся покорять этот мир! Не забыл, что ты по привычке разрезвонил о своем проекте всем вокруг? А теперь представь, как довольно будут ухмыляться бывшие коллеги, когда узнают о твоём провале. Представь свое глупое выражение лица, свой детский лепет, когда ты, вновь нацепив на себя костюм и галстук, робко представишься перед ними, чтобы вернуться к тому, от чего ты только что отказался!

— Хорошо, хорошо, Ганни, ты прав, я не сдамся! Но сейчас дай мне передохнуть. Пожалуйста!

Решаю остаться здесь на ночь. Следующие два дня я проведу в Берхтсгадене. Меня ведь никто не торопит, так? Да и Ганнибалу на пересечение Альп потребовалось гораздо больше времени, чем он написал в своих мемуарах по возвращении в Африку. В самом деле, лучше я инвестирую часть своего времени и денег в благое дело восстановления моих души и тела, чем буду сознательно загонять себя в могилу. Пожалуй, позволю себе такую роскошь, как сеанс массажа. Если вдуматься, местные физиотерапевты как раз специализируются на работе с клиентами того возраста, на который я сейчас себя чувствую: проблемы с бедрами, остеопороз, пролапс межпозвоночных дисков...

Какое же это все-таки удовольствие — отдать свои натруженные икры в руки молодой женщины-физиотерапевта и почувствовать, как расслабляется мускулатура голеней и бедер. Пока я рассказываю ей о своей дальнейшей пешей программе, выражение ее лица колеблется в пределах от неопределенного до сомневающегося. Вежливая женщина! Я, признаться, уже настолько устал, что не нахожу в себе сил хоть немного пофлиртовать с

ней, и замолкаю. Интересно, что говорил наш альпийский герой Ганнибал своей массажистке, когда она разминала его в кровь разбитые стопы? Как бы то ни было, но аромат свежей белой простыни и пикантного массажного масла гипнотизирует меня, и я покупаю бутылочку соснового масла, чтобы заботиться о своих истерзанных стопах. Придя в номер, я пытаюсь как-то подбодрить свое эго: «У меня получится, у меня получится!» и, чтобы наверняка, полирую наступившее расслабление стаканом светлого пива. Отличное терапевтическое дополнение: первоначальный замысел вновь обретает в моих глазах потускневшую было привлекательность.

И все же, поднабраться сил никогда не помешает, даже если проект настоятельно требует воплощения в жизнь. Подарю себе два дня отдыха. Новый опыт, чем же мне заняться лучше всего? В бытность банкиром каждый мой день был тщательно распланирован. А теперь? Стараясь взять как можно меньше вещей, я не прихватил с собой ни единой книги. Заняться бегом не судьба, надо побережь суставы. Ну что ж, придется посвятить время тому, за что внутренний голос в былые года награждал меня горькими угрызениями совести: спать, сидеть в тени каштанового дерева и просто размышлять.

Берхтесгаден — это город, полный противоречий. Эпические горные кулисы Вацманна и Кальтера буквально подавляют своей величественной тяжестью. Эти грубо очерченные скальные упоры навевают ассоциации с мрачно оформленной сценой, подготовленной к монументальному исполнению какой-нибудь из опер Вагнера. Мания величия Адольфа Гитлера нашла в Оберзальцберге идеальную плоскость для проецирования. Сегодняшний массовый туризм делает это прежде столь идеологически заряженное место слегка банальным. Автобусы с кондиционерами ежедневно свозят сюда толпы туристов. Сам Берхтесгаден слишком стар, да и среди его гостей преобладают пожилые европейцы. Тот, кто склонен за завтраком хвастаться тем, что начиная с сорокасемилетнего возраста приезжает отдыхать в один и тот же пансионат, чудесно проведет здесь время в компании единомышленников. Какой же я молодец, что в качестве следующих пунктов остановки выбрал озеро Кёнигсзее и Национальный парк. Ранним утром, когда небо вокруг еще совсем серое, я отправляюсь в путь. Улицы в этот час словно вымершие; я чувствую себя злостным неплательщиком, который крадучись скрывается от праведного гнева займодавцев.

Господин В. был банкиром. Одним из тех, кто сумел взлететь на орбиту высокооплачиваемых топ-менеджеров финансовой индустрии благодаря вдумчивому планированию карьеры, неутомимой работоспособности и своевременной перемене мест. Можно сказать, что банки — удобства ради будем называть их банк А, банк Б, банк В — в принципе отличаются друг от друга лишь цветовым оформлением логотипов: синий, зеленый, желтый или там красный с черным. Различие фирменных слоганов тоже не особенно велико, ведь все они обещают клиенту компетентность, эффективность и работу, просто разными словами. Что действительно представляет собой трудность, так

это процесс выявления индивидуальных признаков, по которым можно было бы на самом деле отличить один банк от другого. Поскольку пристальный взгляд на любой из них различит неизменную смесь компетентности и раздутых человеческих эго, энергично-оперативной слаженности действий и интригански-политических хитросплетений.

Последние восемь лет В. работал в банке А. Все шло преемственно. Его работу ценили и уважали, да и сам В. был доволен и чувствовал себя востребованной личностью. Как вдруг приходит это соблазнительное предложение банка Б: серьезный прыжок по карьерной лестнице и более чем ощутимая, надежная прибавка к жалованью, — слишком заманчивое, чтобы отказаться. Чтобы получить В., банк Б был даже готов принять в свой штат всю его команду. В общем, он решил уволиться. Тем не менее, желания откладывать свой давно намеченный отпуск, который он планировал провести в Канаде, занимаясь хелискиингом¹, у него не было. Так что воскресным утром он, уже будучи в Канаде, позвонил одному из тех, кто стоял у руля банка А:

— Хочу уведомить тебя о своем увольнении.

Молчание.

— Это твое окончательное решение?

— Да, я уже подписал договор с другим банком. Завтра утром в дирекцию попадет мое заявление об уходе.

Молчание.

— Очень неожиданная новость.

— Знаю. Об остальном мы сможем поговорить, когда я вернусь из отпуска. Кстати, Т. тоже увольняется. Все, мне пора, вертолет ждет.

Угрызения совести господин В. решительно отодвинул на задний план. В конце концов, если бы ситуация была противоположной, его нынешний работодатель тоже не стал бы слишком церемониться с его увольнением. Но на этот раз именно он был хозяином положения и наслаждался этим. Подхватив снаряжение, он зашагал к посадочной площадке, где его уже ждал вертолет.

Сейчас конец мая, а Вацманн все еще покрыт толстым слоем снега. О подъеме на вершину и речи быть не может. Так что я покоряюсь матери-природе и, если честно, на сей раз вполне охотно. Что-то успокаивающее есть в том, чтобы не забираться на вершину, а добраться до озера Кёнигсзее более легким путем. Добравшись до Остванда, ускоряю шаг, не забывая по пути восхищаться исполинскими горными массивами. А вот и виа феррата², по которой я спускаюсь вниз и не могу не затаить дыхание при виде открывающейся панорамы: справа — отвесные стены Остванда, слева — их зеркальное отражение в ровной воде Кёнигсзее, обрамленное необозримыми светло-зелеными лесами.

Так-так, и что это было? Какой-то тревожный звук, нечто среднее между треском и журчанием, раздастся откуда-то спереди. Бах-бах-бабах — одно-

---

¹ *Хелискиинг* (англ. *Heliskiing*) — экстремальный вид спорта, катание на лыжах с горных склонов, на которые лыжника доставляют на вертолете. — *Примеч. пер.*

² *Виа феррата* (ит. *Via ferrata*) — скальный участок, специально оборудованный металлическими конструкциями, помогающими преодолеть его с большей скоростью и меньшими затратами энергии — *Примеч. авт.*

значно, это камнепад; а вот, похоже, вниз покатались весьма солидные обломки породы. Я внутренне собираюсь, нашариваю в рюкзаке шлем. Глубокий вдох — и снова в путь! Главное — не поддаваться рефлекторному желанию посмотреть вверх, благодаря которому люди неоднократно теряли лицо в прямом смысле слова, несмотря на шлемы. С таким настроением идетесь легче, и вот уже в поле моего зрения попадает церковь Св. Варфоломея. Сияющим белым светом лучится барочная капелла; округлое здание, увенчанное потрясающим луковичным куполом, ненавязчиво вписывается в окружающий пейзаж — папоротниково-зеленое Кёнигсзее и роскошные горные леса. Интересный пример того, как могут сосуществовать нетронутая природа и человеческая культура.

Рассматривая этот прекрасный уголок, я понемногу успокаиваюсь, хотя, признаюсь, малоприятные воспоминания о первых встречах с несокрушимым могуществом горного мира по-прежнему не отпускают меня. Подъезжает паром, с него на берег сходит оживленная группа туристов, но и это не портит сакральную атмосферу, которая ощущается здесь повсюду. Я вхожу в капеллу. В прохладе ее сводов я позволяю себе немного передохнуть и привести в порядок мысли. Собираюсь с силами перед многочасовым подъемом, который ожидает меня впереди.

Выйдя наружу, я понимаю, что не могу устоять перед искушением заглянуть в тенистую пивную с садом и сделать глоток другой прохладного монастырского пива. Ну а перед соблазном окунуться в изумрудно-зеленые, бодрящие воды Кёнигсзее, которые раскинулись передо мной так компактно и пластично, что кажется, будто я могу разгладить водную поверхность руками, — и подавно. Неописуемое ощущение блаженства наполняет меня, и, ныряя в водную гладь, я чувствую себя играющим ребенком. Вода, свет, солнце, воздух, земля: не исключено, что именно эта принципиальная формула жизни и таит в себе ключ к гармонии и расслаблению.словно невесомый, я проплываю несколько метров над дном озера, скользя сквозь каменные глыбы и стволы вековых деревьев, что отражаются в чистой озерной воде. Вода холодит, вызывая ассоциации с прикосновением к коже легкой металлической пленки, бодрящей, ненавязчивой. Я глубоко вдыхаю пряный горный воздух, ложусь на спину и всматриваюсь в синеву неба, пронзенную заснеженными вершинами гор.

Вылезая из воды, покрываюсь гусиной кожей. Под ногами, переливаясь на солнце, поскрипывают плоские камушки. Их закругленные края давят на подошвы и массируют их, вызывая приятные и немного болезненные ощущения. Я присаживаюсь возле ствола поваленного дерева, чьи шишковатые сучья свисают в озеро, и опираюсь на него спиной, погрузив стопы в воду. Дует теплый бриз, я понемногу обсыхаю. Наслаждаюсь гармоничным сочетанием мягкого тепла весеннего солнца и влажной прохлады, жмурюсь от солнечного света, чувствую себя одновременно согрешившимся и взбодрившимся. Органы чувств и дух необычайно чутки. Беру в руку ка-

Церковь Св. Варфоломея и гора Вацманн.
© Рольф Козецки/Picture Alliance, Франкфурт

мешек и рассматриваю его неповторимый узор, комбинацию филигранных пятнышек графитного цвета на блестящем светло-сером фоне. Он лежит на моей ладони, теплый и тяжелый. Всего лишь краткий миг, который, тем не менее, таинственным образом приобщает меня к вечности.

Обливаясь потом, господин В. влетел в зал ожидания первого класса. Как обычно, этому предшествовала пробежка по бесконечным коридорам аэропорта с тяжеленным портфелем и чемоданом наперевес. Сейчас же он отчаянно замерзал, поскольку в подобных залах ожидания кондиционеры традиционно работают на полную мощность. Влажная рубашка прилипла к коже, а по спине стекали ручейки холодного пота. До начала регистрации еще ровно полчаса. Он заказал бокал шампанского и карпаччо из лосося. Повсюду, куда ни глянь, бизнесмены с раскрытыми ноутбуками, что-то напряженно говорящие в свои «Блэк-берри». В. устало рассматривал взлетную полосу, вид на которую открывался из панорамных окон. Асфальт плавился от жары: похоже, там, снаружи, был жаркий летний день.

Какие же приходится приложить усилия к тому, чтобы снова отправиться в путь! Натянуть тяжелые горные ботинки, повесить рюкзак на плечи. Сделать шаг, потом еще один, потом еще... Подъем к озеру Фунтензее отвесный и проходит сквозь густые лиственные заросли. Древние деревья-великаны вытягивают свои кроны в небо, земля под ногами покрыта мхом. Со всех сторон бьют родники кристально чистой воды, омывающие мелкие и крупные обломки горной породы и питающие бурный горный ручей.

Вдруг лес расступается, и из узкой долины открывается вид на самый настоящий гористый парк. Повсюду папоротники с силой поднимают к небу свои стебли, а альпийские розы открывают свои нежные розовые бутоны.

Карлиншер-Хаус, моя сегодняшняя цель, располагается в нескольких метрах от круглого Фунтензее. Это одно из тех горных озер, которые умеют ловко прятаться в лесах и между нависающими скалами, удивляя путников своей неожиданно открывающейся тихой красотой. Я вхожу в хижину — слово «хаус» звучит слишком претенциозно и мало подходит уютной атмосфере этого места — и становлюсь свидетелем последних приготовлений к открытию сезона. Приготовления ведутся столь интенсивно и громко, что первого в новом сезоне постояльца сперва вообще не замечают. С центрального командного поста, то есть из кухни, зычный женский голос дает оперативно-уборочной группе последние ценные указания касательно отладки оборудования. Очевидно, кто-то все же докладывает начальнице о моем появлении, потому что она, наконец, появляется в прихожей. Уперев руки в боки, она с почтением кланяется мне. Очевидно, начинать беседу полагается гостю.

— Добрый вечер, я хотел бы здесь переночевать. Найдется ли у вас свободная кровать? — кротко спрашиваю я.

— Сервус! Как тебя зовут?

— Руди меня зовут, — говорю я на самом лучшем своем баварском диалекте.

— Ага. Руди, я — Хильде. В седьмом номере живут двое пруссов, поспишь там же. Ужин в семь, завтрак в шесть. Что будешь пить?

— Мне светлое пиво, пожалуйста.

Вот и славно. А лед-то тронулся!

Альпийские хижины проще классифицировать по обстановке их спален. В хижине «третьего класса» вы найдете одну, максимум две зоны для сна вповалку. Ночами дюжины альпинистов спят там в абсолютной тесноте. Храп ближнего, выпускание ветра, не самые приятные запахи — все это вряд ли придется по вкусу чувствительным людям, чей сон скорее можно назвать поверхностным. Хорошему сну могут поспособствовать и такие ценные объекты, как твердая доска в качестве подложки и отмеченное присутствием клещей, микробов и домашней пыли армейское одеяло. Владельцы других хижин стремятся заполучить в ряды своих постояльцев тех, кто не может представить себя участником такого коллективного сна, и оборудуют практически пятизвездочные номера на четверых, шестерых или восьмерых. При таком раскладе клиенты вольны выбирать, с кем именно из храпунов спать в одной комнате. Ну а в первоклассных горных пристанищах вам могут предложить и комфортные двухместные номера с собственным душем и постельными принадлежностями в красно-белую косую клетку.

А между тем в хижину входят все новые и новые постояльцы. Гостевая постепенно наполняется, и вот уже вносят большие дымящиеся кастрюли с супом. Я устал и быстро отправляюсь в кровать. Ночь зверски

холодна. На Фунтензее была зарегистрирована рекордно низкая для Германии температура — минус сорок пять градусов. Кстати говоря, близкий к реву сверхзвукового самолета храп моих соседей по комнате тоже подозрительно тянет на рекорд.

Утреннюю вялость мою снимает как рукой, когда я слышу лаконичное замечание Хильде: в этом году еще никто не проходил по маршруту до Каменного моря! А ведь именно этим путем я планирую дойти до Австрии. Три с лишним километра широкого, протянувшегося с востока на запад массива закарстованного известняка. Их придется пройти, раз уж я собрался пройти прямым путем отсюда к югу, в область Целлер. Чувствую в горле комок — ну почему именно мне выпало быть первопроходцем в этом году? Но я должен это сделать, если хочу пройти по своей идеальной линии вдоль главного хребта Альп, начав свою собственную альпинистскую сагу с главы о Гроссглокнере. Именно так я и собирался сделать. Это мой проект, и Ганнибал во мне не примет никаких извинений, если я вдруг попытаюсь увильнуть.

До самой границы леса мой путь проходит гладко. Но тут! Силы судьбы решили, что сегодня должна состояться неравная встреча двух столь непохожих сил — встреча между снегом и мной! Сначала — в тех местах, куда не проникают солнечные лучи, — мне попадаются отдельные заснеженные поля. Однако чем выше я забираюсь, тем больше снежных покровов встречаю. Проваливаюсь в подтаявшую на солнце, вязкую снежную кашу сначала по лодыжки, а затем и по колени. Да что там, кое-где снег доходит мне до бедер! Никаких следов разметки маршрута. Что я делаю? Вокруг на сотни метров — безжалостно однообразный рельеф, уступами поднимающийся вверх. Громоздкие глыбы серого камня становятся все больше и выше, чем-то похожие на заледеневшие волны грязного моря. Между ними — поля прошлогоднего снега, из-под которого тут и там выпирают острые обломки горной породы. Напрягая все силы и стиснув зубы, я продвигаюсь дальше. Ну вот, а теперь я еще и заблудился! Силы решают оставить меня. Мои органы чувств упорно не соглашаются смириться с поступающей к ним информацией. И как теперь найти дорогу? В довершение моих бед на небе появляются грозно-черные тучи. Вернуться, что ли? Вернуться — как горячую картофелину, я подхватываю это запрещенное слово, мысленно перекидываю его с ладони на ладонь. Наконец решение найдено. Вернуться? Нет, спасибо!

Ура! Вдали, на еще совсем недавно такой монотонной линии горизонта вижу какую-то разметку. Тропа! Прекрасно, теперь я могу ориентироваться на эту точку схода. Мир снова пришел в соответствие с моей картой местности. Какое успокоение. Совершенно выдохшийся, но непередаваемо счастливый и немного гордый, несколько часов спустя я добираюсь до тропы и с нетерпением жду того радостного мига, когда смогу наконец передохнуть и перекусить. Ведь именно там, если верить моей карте,

находится Риман-Хаус. Карта и вправду не врет; чего она не знает, так это того, что там закрыто. Но я чувствую такой прилив восторга, что это меня несколько не обескураживает. Настал полдень, потеплело. Так что перед спуском в направлении Заальфельдена мне удастся просушить насквозь мокрые ботинки и одежду. Посмаковав последний кусок копченой ветчины, врученной мне дядей Симоном, выдвигаюсь в путь. Перемены климата — как внутренние, так и внешние, — просто невероятные! Весело насвистывая, я бодро шагаю по сверкающему на солнце галечному откосу в сторону Заальфельдена.

И вновь с окончанием очередного этапа заканчиваются и мои силы. Неужели так будет всегда? Отогнав от себя все зловещие пророчества, я захожу в пивную Шатцбихль и с удовольствием начинаю восстановительную часть сегодняшнего дня. Утолить жгучую жажду стаканом прохладного светлого пива в тени каштановых деревьев — это, скажу я вам, просто восторг! Выпить пива в конце нормального жаркого летнего дня — уже бодрящее удовольствие. Ну а после сурового пути сквозь арктические снега и субтропические галечные откосы — это абсолютно неопишное счастье. Конечно же, не пройди я через предшествующие муки, радость моя была бы не столь велика.

В то время как я размышляю на тему таинственной взаимосвязи удовольствия и страдания, подъезжает черный «рено» с тонированными стеклами и выхлопной трубой не меньше, чем каминный дымоход. Ага, местный первый парень на деревне! Звучит знакомый визг тормозов, и, сделав три четверти оборота, этот дикий мустанг останавливается, чихая клубами пыли и откашливаясь щепенкой. В драматический миг оседания грязевого облака совершается таинство выхода. Небрежно сжимая сигарету уголком рта, наш герой степенно спешивается, каждой клеточкой выражая непоколебимую уверенность в том, что он — самый крутой на много миль вокруг. С мимикой провинциального сказочного принца, он, шаркая, обходит свою недешевую повозку и открывает еще две двери. Ага, да тут дамы! Или, точнее, панк-дамы: плоские животики, пирсинг в стратегических местах, черные как смоль волосы, уложенные гелем в башнеподобные гребни, прочные, как бетон. Мало того, из машины выпрыгивает еще и доberman! Троица двуногих едва достаивает меня взглядом, зато четвероногий, изрядно оскалившись, что-то ворчит в моем направлении. Что уж там он обо мне думает, не знаю. Вновь прибывшие присаживаются по диагонали от меня, осознавая, что все внимание немногочисленных присутствующих обращено на них, и сосредоточенно отводя взгляды. Какое веселое короткометражное представление после напряженного дня! Начинается негромкий разговор на тему «кто и с кем». Я тихо наслаждаюсь. Так непривычно быть анонимной частью публики. Просто наблюдать за тем, как другие дают свое представление, вместо того чтобы — по необходимости либо же по собственному желанию — привлекать к себе чужое внимание.

Господин В. поправил галстук. Настало время показа шоу. Начинался ежегодный визит в прославленную школу бизнеса с благородной целью завербовать многообещающие таланты из числа студентов в ряды банковских служащих. Служащих банка А, в котором работал и он сам, если уж быть совсем точным. Он распахнул тяжелую дверь и вошел в лекционный зал, возглавляя процессию более молодых коллег. Если студенты получали возможность вот так, вблизи увидеть молоденьких, воодушевленных аналитиков, это внушало им несомненное доверие. Банкиры выстроились в линию перед лицом внимательной аудитории. Шоу было отменным: темно-синий, ладно скроенный костюм, уложенные гелем волосы, динамичный и самоуверенный взгляд, обезоруживающая улыбка, казалось, адресованная каждому. Негромкий гул, в котором звучало уважение, прокатился по аудитории: да, эти сообразительные юнцы — действительно молодцы, работают в таком банке. Господин В. посмотрел на исполненные ожидания лица присутствующих. На них читались любопытство и удивление. Лишь несколько человек надели маски иронии и язвительности. Ага, в аудитории была и парочка женщин, очень хорошо. Нужно было высказать возражения на тот счет, будто бы инвестиционное банковское дело — это чисто мужская стезя; диверсификацию нельзя было упускать из виду.

Финансовые рынки были в отличном тоне, а банк А — несомненным лидером рынка; господин В. знал, что его ждет большая добыча, то есть целая кипа заявок от будущих выпускников. Он взял в руку микрофон, включил проектор и приступил к презентации.

Регион Целль-ам-Зее, словно сочно-зеленый ремень, прилегает к зоне между Каменным морем и Гроссглокнерским массивом. Энергичной походкой я пересекаю живописную холмистую приозерную местность. Наступили выходные, и сюда уже съезжаются горные велосипедисты и любители северной ходьбы. На футбольном поле кто-то из местных жителей ударяет по мячу. Для меня сегодняшний день — это просто день, когда я могу радоваться любым пустякам. Например, пониманию того, что именно эта повышенная людская активность на свежем воздухе и будет на протяжении предстоящих месяцев сообщать мне, что сегодня выходной день, а не рабочий. Потому что на данном этапе деление дней на выходные и рабочие теряет для меня всякую актуальность. В своей недавней занятой жизни я делил каждую неделю на строго ритмизированные интервалы активности: стопроцентный спринт и доведение себя до болевого порога в рабочие дни и попытки минимизации физического и душевного ущерба в выходные. Либо же семь дней спринта плюс заход на второй круг с началом следующей рабочей недели. По-английски это называют *work-life balance*, балансом работы и жизни, но сейчас я могу лишь от души посмеяться над подобными приукрашивающими клише, которые стараются за люксовой оберткой спрятать нечто крайне неприглядное. Жизнь и работа как два контрпроекта — что за слабоумие! Как будто первая — абсолют добра, а вторая — средоточие зла. Почему уж тогда сразу не баланс смерти и жизни? Я чувствую себя хорошо, и я, как ни в чем другом, уверен в собственном решении: куда бы ни занесли меня мои горные ботинки, но этой шизофренической апостолов *work-life balance* я больше не товарищ! Жизнь — это единое целое и должна оставаться таковой. Яволь.

В Цель-ам-Зее начинаются мои индивидуальные занятия по предмету «Психология типичного альпийского жителя». Хозяин скромного пансионата, где я сегодня расположился, проводит большую часть дня за компьютером. Взглянув на его живот, я понимаю, что такое безуспешные попытки уделять больше внимания физической нагрузке. А взглянув на плоский живот, раскосые татуировки, густо покрашенное лицо и — не в последнюю очередь — заглянув в глаза его молодой жены, я понимаю и то, что семейная жизнь не приносит ей особой радости. С ней, к слову, у меня складываются вполне приличные отношения. Может быть, она чувствует во мне, смелой перелетной птице с признаками неряшливости в начальной стадии, родственную душу? Подробно расспросив о моем самоучивии, фрау хозяйка приносит к моему шезлонгу банное полотенце, воскресную газету, кофе и пирожное, о чем я ее решительно не просил. Похоже, она всерьез пытается тем самым катапультировать уровень obsługi своего скромного пансионата прямо в пятизвездочную стратосферу. Когда она целенаправленно нагибается в поле моего зрения, чтобы поставить тарелку с пирожным, я наконец-то вижу предмет ее гордости: татуировка в форме оленьих рогов пониже спины! Внезапно мне становится очень и очень неудобно. Прочитав газету, я отправляюсь в дальнейший путь, твердо пообещав своим органам вкуса праздник живота в первом же подходящем заведении.

Сегодня мне хочется побаловать себя такой роскошью, как комфортная бургерская обстановка в сочетании с изысканными блюдами и первоклассным выбором вин. Не успев присесть за столик, чувствую, что кто-то сверлит мою спину изучающим взглядом. Ну, ясно, хозяйка причислила меня к той экзотической для нее социальной прослойке, представители которой никогда не переступают порог ее заведения. Вторая часть сегодняшних полевых психологических учений позволяет мне сделать вывод: тенденциозно бродяжнический внешний вид вкупе с безупречными манерами общения и поведения за столом, а также проявлением хорошего вкуса в выборе перемены блюд и напитков вызывают у персонала гурманских храмов Альп смешанные чувства. В этом есть и тот плюс, что обслуживать мой стол хозяйка заведения посылает свою симпатичную дочку. Мы премолю болтаем; похоже, смертельный для души вирус сословного высокомерия ее пока не поразил. Отужинав, я позволяю себе еще часок посидеть в столовой, с наслаждением наполняя воздух дымом сигары. Когда я, наконец, достаю свою привилегированную кредитку, чтобы оплатить не самый, кстати говоря, маленький счет, черты лица хозяйки заметно смягчаются. Но все равно ей прямо-таки не терпится поскорее отделаться от меня. Не тут-то было! Я сообщаю ей, что хотел бы сегодня переночевать в ее провинциальном дворце. Не берусь описать выражение ее лица в тот миг, когда она принимала подписанный мной чек: так, наверно, благородная дама в норковом манто могла бы смотреть на нищего попрошайку, сидящего на ступенях королевского оперного театра и клянчащего медный грош. Ну

что ж, баланс дня подвести нетрудно: ответил отказом одной женщине — получи отказ (или хотя бы недовольство) от другой. Интересно, как бы в этой ситуации сложились дела у банкира в шитом на заказ костюме?

Выражаясь простым языком, в инвестиционном банковском деле существуют две принципиальные возможности растрат: вы прожигаете либо деньги клиентов, либо деньги банка и его акционеров. Ориентируясь на них, можно составить представление о краеугольных камнях деятельности тех или иных инвестиционных банкиров: среди них есть коммерсанты, которые спекулируют солидными суммами клиентских накоплений. Самое неприятное в коммерсантах состоит в том, что они либо перестают реалистично оценивать размеры вложенных средств, либо ведут себя так, будто они и есть их владельцы, — до тех пор, конечно же, пока деньги не утекают от них вследствие неудачных сделок. Тысячи рекламных разработчиков помогают коммерсантам вновь и вновь подстегивать фантазию клиентов и их неумную жажду все более высоких процентов по вкладам.

Деньги собственно банка разбазаривают его же менеджеры, дающие фирмам кредиты, которые никогда не будут выплачены. В чем-то их работа — уговорить банк на выдачу этих рискованных кредитов, зачастую на немислимые суммы, — напоминает разрушительную активность саранчи. Банк, естественно, инвестирует и собственные капиталы, — например, покупая долю участия в той или иной фирме или выдавая ипотечный кредит под высокий процент. Именно этим занимается такой департамент банка, как «Private Equity» — департамент прямых инвестиций.

Существуют и консультационные группы вроде той, занимавшейся организацией слияний и поглощений, в которой трудился господин В. Можно сказать, что их работа сопряжена для банков с наименьшим риском, ведь она не предполагает размещения собственного капитала банка. Что касается клиента, у него могут возникнуть очень серьез-

Мои сандалии

ные проблемы, если он последует неверному совету и позволит консультантам убедить себя в необходимости покупки какой-нибудь «не той» фирмы за совершенно космические деньги. Банк любит своих сотрудников из группы слияний и поглощений, поскольку в ходе их работы к клиенту могут присосаться и вышеназванные хищники, стремящиеся реализовать как можно больше кредитно-вкладовой продукции. Кросс-селлинг, то есть перекрестные продажи, — вот как это называется.

Мое нынешнее пристанище — очень живописное место: при пансионе есть небольшой собственный пляж, на берегу озера стоит лодочный сарай, небольшой лесок загораживает вид на дорогу. Большую часть дня я то купаюсь, то дремлю в шезлонге на берегу. В кронах деревьев шелестит ветерок, время от времени слегка вспенивая озерную гладь, на горизонте поблескивают заснеженные вершины Глокнера. Их белизна кажется неестественной, буквально неземной, навевая ассоциации со средневековыми изображениями жизни святых, на которых видно, как небо открывается, давая снизойти на землю божественному сияющему свету.

Я сижу на террасе, откуда открывается вид на горы и озеро, и наслаждаюсь местным колоритом. Официант в белоснежном фраке подает первое блюдо легкого легнего меню. Какой разительный контраст на фоне скудного питания предшествующих дней пути: карпаччо из рыбы-меч, с дольками лимона и свежим кориандром. Тонкие ломтики рыбы изящно оттеняет белизна фарфоровой тарелки. Легкий, хорошо охлажденный Вельтliner прекрасно вписывается во вкусовую композицию и дополняет ее летней свежестью. Мельчайшие жемчужные капли воды по всему бокалу, попадая на кончики пальцев, тоже великолепно вписываются в фейерверк гастрономического и эстетического наслаждения. Само собой, во время еды приходит и аппетит, да еще какой: на горячее мне подают свежельювленную в Целлер-Зее щуку, аккуратно обжаренную, чуть сбрызнутую оливковым маслом и оттененную радужным разнообразием летних овощей. Никакой причудливый соус не нарушает изысканного первозданного вкуса рыбы. Я закрываю глаза и чувствую легкое дуновение ветра. Ну, просто средиземноморская мечта. А вот и десерт: малиновое суфле, совершенно неопишуемый деликатес. Осторожно беру на вилку немного суфле и не могу налюбоваться на спелые, темные ягоды, уже вобравшие в себя благословенное солнечное тепло. Десерт запиваю бокалом превосходного сотерна, навевающего воспоминания о мягкой бархатной осени.

Резюме: более чем подходящий день отдыха для того, кто хочет пересечь Альпы. Кто поручится, что Ганнибал не предавался чревоугодию, перед тем как пойти в атаку на римлян?

Несмотря на праздник, который я устроил своим органам чувств, бытовые мелочи продолжают напоминать о себе: мои запасы чистого белья на исходе, срочно нужно провести операцию «Стирка», в противном случае мне могут отказать в ночлеге и менее презентабельные заведения.

Смущенно подхожу к стойке администратора, крепко сжимая в руке пакет с бельем. За стойкой сидит сама хозяйка, которая смотрит на меня изучающим взглядом, словно дракон на Зигфрида, пытающегося украсть сокровище Нибелунгов.

— Прошу прощения, нельзя ли отдать вещи в стирку?

— А где вы раньше были?

Ее взгляд пронзает меня, будто нож. Не начнет ли, интересно, этот дракон чихать огнем?

— Давайте сюда, — тихо шипит дракон.

Изобразив на лице самую обаятельную улыбку, протягиваю ей пакет через стол. Она принимает его кончиками пальцев, на лице ее написано выражение скорбного смирения. Ага, похоже, мне удалось пробить брешь в неприступной стене ее «гостеприимства»! Попробую закрепить успех.

— Э-э-э... нельзя ли мне воспользоваться вашим компьютером? Я хотел бы загрузить пару фотографий в свой блог.

— Нет! Вы разве не видите, что я работаю?

Ого, а она, как видно, куда более крепкий орешек, чем я думал.

— Хорошо, возможно, чуть позже?

Она чувствует мою слабость, как любой заправский дракон, охраняющий сокровище. Хозяйка ситуации сейчас именно она.

— Нет.

Последняя попытка. Коварная смена темы разговора.

— Хорошо. Простите, а нельзя ли воспользоваться сауной?

Но она понимает, что я окончательно сдал позиции. Теперь отказ — всего лишь вопрос соблюдения формальностей:

— К сожалению, нет, сауны мы включаем только зимой!

Стараясь не обращать внимания на фотографию сауны в лежащем передо мной буклете, посвященном летнему отдыху, я убираюсь восвояси. Похоже, надежду стать одним из любимых постояльцев в этом заведении мне лучше запрятать куда подальше.

Ночью начинается дуть фён¹, по окнам гулко барабаният струи дождя, вдали глухо звучат раскаты грома. Синоптики обещали резкий перепад температуры. Собравшись и выйдя на улицу, в дождливую утреннюю прохладу, я слышу, как решительно за моей спиной гостеприимная хозяйка захлопывает входную дверь. Вокруг влажно зеленеют луга, крупные капли холодящего дождя падают на мой капюшон. Долина постепенно поднимается в гору, в направлении высокогорной дороги Гроссглокнер; двигаться вновь приходится по весьма заснеженной тропе.

Сегодня, путешествуя под проливным дождем, я могу смело заявить, что становлюсь все более опытным экспертом в вопросах пересечения

---

¹ Теплый и сухой, сильный, порывистый местный ветер, дующий с гор в долину. — *Примеч. ред.*

гористой местности. Поскольку рюкзак у меня водонепроницаемый, на случай неожиданной непогоды я упаковал все свои пожитки в полиэтиленовые пакеты. Ничто промокнуть не должно. И с легким стыдом: я неожиданно открыл для себя, какое удовольствие можно получать от того, чтобы самому заниматься решением мелких бытовых вопросов. Я принимаю решение: по возвращении в цивилизованный мир мой образ жизни изменится в сторону значительного упрощения. Хочу рубить дрова и грибы собирать. Наметить четкую цель жизни и идти к ней. Соединить работу и свободное время в гармоничное целое. Пока схематично, напоминая некую магнетическую силу, но перед моим внутренним взором уже выстраивается образ радикально измененной жизни. Жизни более спокойной, расслабленной, счастливой — и в то же время исполненной смысла. Но уже мгновение спустя эта нерезкая картинка пропадает. Здесь и сейчас требует моего полноценного присутствия.

Диалог господина В. и его ассистентки обычно строился по следующему образцу: сначала они обсуждали график деловых встреч, а потом переходили к вопросам действительно важным. Стоит отметить, правда, что на этом этапе диалог превращался в полноценный монолог. «Дженни, не могла бы ты позвонить в прачечную отеля, после стирки и чистки они должны пришить к моим вещам новые пуговицы. И вот еще что: на той неделе я еду в отпуск. Забронируй, пожалуйста, не очень дорогой автомобиль и место в каком-нибудь нормальном пляжном клубе недалеко от отеля». Дженни — настоящее сокровище, она буквально носит своего шефа на руках. «Если позвонит Кумар, мой индийский портной, попроси его прийти ко мне во второй половине дня, мне нужны новые рубашки!» Она покорно записывает все распоряжения и отлично их выполняет. «Я забыл в самолете зарядное устройство для мобильного. Закажи новое!» Господин В. не замечал, что утратил всяческую автономность. Повседневные заботы он делегировал третьим лицам. Доктрина «аутсорсинга», насквозь пропитавшая умы его профессионального окружения, не могла не наложить отпечатка и на его поведение в повседневной жизни. В результате день ото дня он превращался во все более ценного специалиста, который сам разве что завязывает шнурки на ботинках.

Многочасовой проход по мокрым лесам и насквозь мокрым лугам. По пути не встречаю ни одного человека. Только одинокий безумец прокладывает свой путь по этой сырости. Ничто его не отвлекает, и в кои-то веки он перестал враждовать с превратностями судьбы. Он наконец-то остался наедине с самим собой! Он не просто шагает, а сам *является* шагом. Скользит по упругому, чавкающему от сырости лесному грунту. Кроны больших деревьев образуют кровлю над тропой, по которой он идет. Душу его наполняет приятное чувство защищенности, он даже весело навистывает какие-то мотивы, а мыслям позволяет течь на фоне простой, ничем не обремененной радости.

Внезапно в лесу становится светлее. Меня ожидает контрастная программа, причем без объявления. Раз — и я оказываюсь на просеке размером с

несколько футбольных полей, которую человек отвоевал у леса и запечатал в асфальт: парковка возле таможенного поста у высокогорной альпийской дороги Гроссглокнер. Шоковая терапия цивилизацией и ни единого следа живой природы. Блуждаю среди сооружений из влажного, твердого бетона, беспомощный и одинокий, словно изгнанный из стаи зверь. Повсюду гнетущая пустота. В полнейшем отчаянии решаю взять курс на местный ресторан, чьи размеры превосходят все мыслимые ожидания. Необычный, кажущийся сюрреалистичным мир являет моему взору пугающий лабиринт прилавков, предлагающих всевозможные глупые безделушки. Тысячи печальных мягких игрушек-сурков разного калибра выстроились в ряды на многих метрах полок и столов. Но вокруг нет никого, кто бы захотел их купить. Пусто и в торговых рядах, и на парковке. У меня перехватывает дыхание: не могу отделаться от ощущения, что плюшевые зверюги оживут и всем скопом набросятся на меня. Скорее прочь отсюда!

В одиноком пансионе на опушке леса, куда я расквартировываюсь на ночь, кроме меня постояльцев сегодня нет. Впервые запираюсь на ключ. Ночью разыгрывается буря, хлещет ветками в окна. Похоже, гневный лес дал своим солдатам-деревьям указание снести этот маленький домик, уничтожить его подчистую. Дождь льет всю ночь. Неуютная, смоляная тьма.

Многотонные серо-черные мраморные шары медленно и со скрипом катились на господина В. по твердому полу какого-то бесконечного тоннеля. Непрестанно, неумолимо. В. пытался увернуться, каменная лавина угрожала раздавить его. Дрожащий и весь в поту, он проснулся. Сердце стучало как бешеное. Он нащупал пульс: двести ударов в минуту. Прежде у него уже случались подобные приступы паники. «Не терять голову, сохранять спокойствие, иначе выбьешься из сил. Делая глубокие вдохи и выдохи, медленно встать», — пытался он себя успокоить. В. оделся и вышел на улицу. Было три часа ночи. Он медленно втянул воздух в легкие и пошел по кварталу. Постепенно состояние его нормализовалось. Но он боялся снова ложиться спать этой ночью. Как только вернулся размеренный пульс, мысли переключились на события грядущего дня. Все, буквально все показалось ему огромной черной глыбой неразрешимых проблем: письмо, которое он собирался написать, заправка прокатного автомобиля, исправление презентации, давно назревавший визит к зубному врачу.

День приближается к полудню, когда дождь вдруг переходит в снег. Густой туман окутывает лес. Ощущения при подводном плавании и движении по затуманенному лесу во многом схожи: поле зрения сужено, до слуха доносятся лишь смутные отзвуки. Тем усерднее концентрируются органы чувств на том немногом, что им удастся воспринять. Впечатления делаются все более плотными и непосредственными. Постепенно снег скрывает последние очертания тропы, по которой я иду. Снова ни одной путеводной нити. По мере подъема в гору из виду скрываются и деревья, я чувствую себя забетонированным в белой пустоте. Ощущение такое, что

при нормально видящих глазах мое зрение мне отказывает. Зрение подводит человека в подобной ситуации не хуже хваленых карт местности. Мне не остается ничего, кроме как довериться интуиции, моему природному инстинкту, на который мир банкиров не особенно полагается, отдавая предпочтение более привычным диаграммам и балансовым отчетам. Не знаю, интуиция это или совпадение, только после неприятного рейда сквозь молочную пустоту я внезапно попадаю на автодорогу, по которой и дохожу до высшей точки горного перевала.

Поскольку я потерял много времени, решаю, что перед тем, как отваживаться на покорение поджидающей впереди тьмы, неплохо было бы остановиться на постоялом дворе Фушль, который находится чуть ниже той самой высшей точки перевала. Хозяин заведения оказывается самым настоящим оригиналом: его специальность — разведение сурков.

Сурки, эти милые зверюшки, встречаются в Альпах на каждом шагу. Создается впечатление, что именно они и были самой первой расой этой местности; на самом же деле сурки мигрировали сюда по окончании последнего ледникового периода, поскольку в первоначальном ареале их обитания стало слишком тепло. На примере сурков я, фанат сумасшедших нагрузок, получаю шанс убедиться в том, что вполне мог бы вести сносную жизнь на гедонистический лад: расслабленно и без малейшего стеснения они то и дело укладываются на камни, подставляя свои тельца теплым лучам солнца и блаженно потягиваясь. Или же неторопливо грызут пряные альпийские травы. Но лучше всего то, что по девять месяцев в году они спокойно спят в своих сухих норках. Любая возможность движения исключается, поскольку у этих забавных созданий отсутствуют потовые железы: да, они не в состоянии потеть. Для тех, кто не знал: социальная жизнь существ, которые не потеют, в действительности достойна внимания. Вот главенствующая парочка ведет за собой сурковую колонию и присматривает за подрастающим поколением; один из зверей выполняет функции охранника и свистит в случае приближения опасности; остальные, смирившись со своей ролью пехотинцев, организованно греются на солнце или едят подножный корм. И надо отметить, что эволюция воздает этим созданиям сторицей: в то время как, согласно новейшим подсчетам, популяция сурков вновь увеличивается, популяция банкиров, особенно за последнее время, весьма поредела. Не исключено, что мне следует сделать из этого определенные выводы и немного «засурковать» свою жизнь. Что ж, я уже и так стараюсь сделать это!

Недолго думая, принимаю решение провести сегодня день в сурковом стиле. Какое-то время спустя я уже сижу за столом вместе с хозяином заведения и, потягивая пиво, слушаю историю его жизни в горах. Родился в многодетной семье, отрочество его протекало довольно безрадостно. Сбежав от родителей в горы, нашел приют и работу у горняков. Всю жизнь мечтал стать владельцем собственного постоялого двора в го-

рах. Эта мечта была его путеводной звездой; взяв судьбу в свои руки, он смог претворить мечту в жизнь и обрести счастье: у него есть жена, есть свое дело, сурки, наконец. Он и вправду счастливый человек. Размышляя о его судьбе, невольно сравниваю ее со своей. Да, в его жизни не было планирования карьеры, элитного образования и окружения, которое требовало от него разносторонности. Что же помогало этому человеку столь непоколебимо идти по выбранному пути?

Позднее, оставшись наедине с самим собой в крошечной комнатухе, я перебираю в памяти эпизоды своей сегодняшней одиссеи по заснеженной местности: когда все пять органов чувств отказывают разом и мышление не помогает, человеку не остается ничего, кроме как положиться на интуицию. Именно такие ощущения я испытал сегодня в горах. Банкир во мне объяснил бы успешный исход любого дела примерно так: органы чувств, которые непрерывно посылают в мозг обратную связь и, так сказать, регистрируют малейшее отклонение внешнего мира от того, КАК ДОЛЖНО БЫТЬ, обеспечивают работу механизма реагирования и тем самым сообщают духу ощущение безопасности. Таким образом, в психике человека происходит непрерывный процесс уравнивания того, КАК ДОЛЖНО БЫТЬ, и того, КАК ЕСТЬ. В случае же интуитивного поведения такой возможности уравнивания нет. Безусловно, первый шаг на этом пути уже связан со значительным преодолением себя, и тот, кто следует своей интуиции, зачастую вынужден проходить и более протяженные отрезки пути в неизвестности и незащищенности. И, тем не менее, именно интуитивное поведение может стать более надежным, временами даже единственным средством, с помощью которого человеку удастся достичь заветной цели.

Интересно, используют ли люди, живущие в гармонии с природой, интуицию в более полном объеме? И позволяет ли эта интуиция применять себя не только для того, чтобы ориентироваться в мире природы, но и для того, чтобы ориентироваться в мире жизни, в мире межличностных отношений? Если да, то, увы, следует признать: на протяжении всей предшествующей жизни я совершенно не задействовал ресурсы интуиции. Я всегда доверял только голове и выстраивал свою жизнь, оглядываясь на проверенные ориентиры: экзамен на аттестат зрелости, вступительные экзамены, вехи карьерного роста. Если считать успехом возможность прислушиваться к своему сердцу и стать счастливым, даже самым заурядным и скромным образом, то я не без зависти вынужден признать: хозяин этого постоялого двора с его занятой страстью к разведению сурков достиг несравненно больших успехов, нежели я со своим образцовым резюме и амбициозной карьерой. Этот человек действует, руководствуясь собственными убеждениями и не позволяя кому бы то ни было руководить своей жизнью, в результате чего ему не приходится заниматься таким нелегальным делом, как продажа собственной души.

Господин В. ждал своей очереди в компании высокопоставленных коллег-банкиров из Лондона. Через несколько минут должна была начаться встреча с представителями глобального промышленного концерна. Многие банки получили приглашение выступить с презентацией своих консультационных услуг в рамках планируемой продажи части концерна. На жаргоне подобные мероприятия именуют «конкурсами красоты»: своего рода финальный раунд выбора «самого красивого» банка, который получит лакомый заказ. На первый взгляд, у банка, от имени которого выступал В., были все шансы откусить немалый кусок этого великолепного пирога. Фактически же все понимали, что заказ получит банк под буквой В, потому как финансовый директор промышленного концерна был женат на дочери главы этого самого банка. В. предчувствовал, что вся подготовка к сегодняшнему дню была бесполезной. Тем не менее, он не позволял этому ощущению завладеть собой, поскольку старался сохранить бодрость духа и привычный кураж.

На цифровом табло часы показывали время в Токио, Берлине, Лондоне и Нью-Йорке; тут же светились красным значения биржевых котировок акций концерна. Глобализация, структуризация, мгновенный информационный обмен. Вместе с коллегами господин В. пролистал текст презентации. По традиции взоры задержались на четвертой странице, где были указаны сведения о банкирах, чьи кандидатуры представляли важность в рамках данного проекта. Один из присутствующих пришел к выводу, что его имя указано неверно — в смысле, слишком далеко от начала списка. Графики подобного рода играли существенную роль, поскольку убеждали клиента: в случае, если выбор падет на данный банк, все ключевые и знающие менеджеры будут принимать участие в проекте. Уже на этом этапе В. одолевали сомнения на тот счет, доведется ли ему еще хоть раз увидеться с кем-нибудь из сопровождавших его в этот день коллег.

Дверь переговорной открылась, оттуда вышла делегация банка В: на всех лицах красовались победные самоуверенные улыбки. Твердые кожаные подметки сшитых на заказ туфель гулко стучали по полу. Все лица были знакомыми: собственно говоря, то были либо коллеги бывшие, либо коллеги будущие, поскольку за время работы в этой наемной профессии служить доводилось многим господам. Итак, пришел черед команды господина В.: приветствие клиента, накладная улыбка, вход в переговорную. В воздухе витали ароматы мужского парфюма и пота. Представитель концерна, глава департамента слияний и поглощений, получал видимое удовольствие от власти, которую имел над банкирами в эти минуты. Сладостное удовлетворение, столь контрастирующее с перманентным унижением его эго одним только видом этих молодых людей, которые, по его мнению, умели гораздо меньше, чем он, работали гораздо меньше, чем он, тогда как зарплату получали несопоставимо большую. Ну а сейчас он от души наслаждался своей ролью этакого цинично-утонченного привратника-вышибалы. В. внимательно взглянул на его ухмылку и ощутил сильное стремление заехать ему промеж глаз, чтобы это зубоскальство, наконец, прекратилось. На деле же он улыбнулся в ответ и, ощущая внутреннее сопротивление, начал продавать себя собеседнику.

Утро нового дня оказывается холодным и ясным. Свежий снег сияет в свете солнца. Я прощаюсь с гостеприимным постоялым двором Фушль и вновь отправляюсь в дорогу. При выдохе воздух выходит изо рта облачками пара. Сегодня я планирую пройти большой отрезок пути и, дабы ускорить спуск в направлении деревушки Хайлигенблют, решаю идти напрямик по руслу горного ручейка метров триста длиной, покрытому старым

снегом. Смелое, как оказалось, решение. В своем чрезмерном рвении я недооцениваю опасность затеи, теряю на неровной поверхности равновесие и падаю. Головой вперед на бешеной скорости лечу вниз по отвесному склону. Счастье, что мне удастся отделаться лишь ранами на руках. Промежуточная цель на данном этапе — Глокнерхаус у подножия горы Гроссглокнер. О боли удастся забыть. Да и какая боль может иметь значение, если я впервые в жизни вижу настоящий глетчер! Высокогорный ледник Пастерце к востоку от Гроссглокнера — совершенно роскошный экземпляр. От одного взгляда на него чувствую себя наэлектризованным. Невиданный прилив энергии наполняет меня, и я с новыми силами отправляюсь навстречу туристской тропе, пролегающей вдоль глетчера.

Глетчеры — некоронованные короли высокогорья, восхитительные и опасные, словно неприрученные дикие звери, и в то же время источающие радость и счастье. В их облике проявляется то нежная, трогательная красота, то коварно-непредсказуемая угроза. Человеку следует приближаться к ним с почтением и осторожностью, ибо они в состоянии стереть его с лица земли в один прием.

Подобно нам, живым существам, ледники тоже имеют анатомическое строение: там, высоко на горе, где ледник начинается и где его питает снег, тело его безупречно белое и гладкое. Свежий рыхлый снег покрывает твердый лед, словно защитная оболочка, словно кожа. Ближе к земле покрывающий тело ледника слой снега делается тоньше, грязнее, а затем и вовсе исчезает. Блестящий, отливающий синевой лед лежит там, не прикрытый ничем, в нем виднеются глубокие трещины, ручейки талой воды бороздят его поверхность. Складывается ощущение, что это патологоанатом острым скальпелем срезал мягкую кожу и слой подкожного жира ледника, чтобы обнажить его сильную мускулатуру.

С Пастерце я бросаю взгляд на размытый силуэт Гроссглокнера. Итак, я достиг цели своего первого этапа: «идеальной линии» главного альпийского хребта. Перебирая в памяти события двух прошедших недель, резюмирую: это было время испытаний и познания границ физических возможностей, время сомнений и желания вернуться, но и осознания того, что я принял правильное решение. Первые интенсивные соприкосновения с миром природы дали мне эйфорические ощущения, встречи с людьми навели на размышления. Я чувствовал себя одиноким, я чувствовал себя в безопасности, я пережил взлеты и падения переломного этапа. Стрекоза наиболее уязвима именно на этапе вылупления из личинки, в момент метаморфозы. В течение этих первых недель я был раним, поскольку кардинальной смене приоритетов еще не удалось хорошенько закрепиться в моем сознании, новый образ жизни еще не окончательно вошел в привычку, и все решения еще можно было аннулировать. Я беспрестанно наблюдал за собой в поисках признаков изменения в том или ином направлении. А с этого момента мой путь будет пролегать на запад, вдоль четкой линии высоких и высочайших вершин.